

Майкл Керквуд. Идеология в произведениях А. А. Зиновьева¹²

О ТЕРМИНОЛОГИИ

Есть соблазн начать эту главу цитатой из последней книги Зиновьева, которая вполне могла бы послужить эпиграфом: «Игнорируйте официальную идеологию. Любое уделенное ей внимание лишь укрепляет ее». Этот совет, который время от времени можно найти в работах Зиновьева, в данном случае выражен менее сжато, но не менее твердо. Это совет, которому сам он не последовал. Споры об идеологии присутствуют во многих его работах, и недавно он написал целую книгу на эту тему. Целью этой книги является поместить и классифицировать эти споры под серией заголовков, что позволит нам представить в системе взгляды Зиновьева на роль и значение идеологии в коммунистическом обществе.

Давайте начнем с того, что решим, как мы будем интерпретировать термин «идеология». В «Советском академическом словаре» дается следующее определение этого термина: «система взглядов, идей, представлений, характеризующих отдельное общество, класс или политическую партию». Зная реальную роль идеологии в советской системе, нельзя не признать это определение слишком скромным, почти самоуничтожающим. «Оксфордский словарь английского языка» дает более развернутое определение. Идеология: 1. Наука об идеях; исследование происхождения и природы идей; 2. Идеал или абстрактное размышление; теоретизирование в воображении. 3. Система идей, относящихся к феноменам, особенно социальной жизни; способ мышления, характерный для класса или индивида. По Зиновьеву, идеология — это одновременно и доктрина, руководство к действию, и «магнитное» поле, влияния которого трудно, если не невозможно избежать. Понимание термина «идеология» Зиновьевым существенно отличается от только что процитированных определений. Для Зиновьева основой идеологии не является класс (классовая принадлежность), она не ориентирована на какой-то определенный класс. Идеология для Зиновьева — не наука. Поэтому он отбросил бы первое определение,

¹² Michael Kirkwood *Ideology in the works of A. A. Zinoviev*, in Hanson, P. and Kirkwood, M. (eds.), *Alexander Zinoviev as writer and thinker*. London: Macmillan, 1988, pp. 44–60.

предложенное «Оксфордским словарем английского языка», но принял бы второе и первую часть третьего определения, данные этим словарем. Его собственное определение таково: Идеология — это комплекс идей, который по намерению или результату формирует в людях специфический тип сознания, адекватного условиям их социальной среды, сознания, которое одобряет одни формы поведения людей в данном обществе и осуждает другие. До конца главы мы будем использовать термин «идеология» именно в зинovieвском смысле.

Давайте сначала рассмотрим идеологию как комплекс идей, или доктрину. Например, именно в качестве комплекса идей марксизм-ленинизм привлек наибольшее внимание. Большинство людей, пишущих на тему марксизма-ленинизма, изо всех сил стараются проследить эволюцию марксизма в интерпретации Лениным в его работах. Они также пытаются выяснить предел возможности модифицировать исходную теорию в свете меняющихся обстоятельств и событий, которые Маркс (и Ленин) не могли предвидеть, или оценить вклад в марксистско-ленинистскую мысль современных идеологов, генеральных секретарей КПСС, ведущих авторов в партийных газетах и журналах и т. д. Конечно, часто существует огромная разница между тем, что Зиновьев называет «классикой» марксизма и ленинизма, т. е. подлинными исходными текстами этих авторов и текстами, созданными для массового потребления. Первые выступают как истинный, чистый «источник», но не используются в качестве идеологических текстов, поскольку слишком сложны. Чтобы иметь успех, идеологические тексты должны быть легко понятными широким массам людей.

Зиновьев любит напоминать своим читателям знаменитое ленинское замечание о том, что спустя пятьдесят лет после смерти Маркса очень немногие читали его и еще меньше людей понимают его правильно. Он применяет данное замечание к работам самого Ленина. Тем не менее, из этого нельзя заключить, что Зиновьев высоко оценивает интеллектуальные достоинства работ Маркса или Ленина. Он часто вспоминает, что провел около восьми лет, изучая работы Карла Маркса и пытаясь освоить суть его теории. На основе этих исследований он написал свою знаменитую кандидатскую диссертацию, которая так никогда и не была опубликована, но циркулировала по Москве. Вывод, к которому он пришел и который он часто и подробно повторяет — либо от своего имени, либо устами своих героев, — заключается в следующем: то, что писали Маркс и Ленин, было простым словоблудием. Со строго логической точки зрения многое из написанного ими, заявляет Зиновьев, — это полная бессмыслица. Однако работы «классиков» составляют «лучшее», что может предложить марксистская мысль с интеллектуальной точки зрения, и именно работы этих авторов, как утверждает Зиновьев, в наибольшей степени изучаются и критикуются западными учеными. Однако «средний продукт», работа среднего ученого, работающего на кафедрах философии в СССР, является лучшим показателем истинной природы советского философского творчества. И Зиновьев утверждает, что качество таких работ крайне низкое, свидетельствующее о деградации и презираемое в самом Советском Союзе. Поэтому Зиновьева забавляет, когда западные ученые воспринимают работы официальных советских философов-поденщиков всерьез.

Несмотря на недостаток уважения к интеллектуальному уровню работ классиков марксизма, Зиновьев не отрицает их действительности как источника, из которого, по мере необходимости, могут черпать идеологи. Действительно, практика цитирования «классики» — это то, что он постоянно высмеивает в своих романах. В то же время Зиновьев отрицает, что они когда-либо в каком-либо смысле были «руководством к действию». Он не раз заявлял, что революция породила нужду в идеологии, во-первых, с целью легитимации положения руководства и, во-вторых, для мобилизации населения и направления его по определенному пути. Так случилось, что марксизм-ленинизм был легко доступен. Опять же, следует помнить, что не работы самих Маркса и Ленина использовались в качестве идеологических текстов для массового потребления. В эпоху широко распространенной неграмотности и очень низкого

уровня общей культуры тексты, написанные для образованной элиты, были бы совсем бесполезны. Именно Сталин приспособил марксизм-ленинизм для масс и сформулировал его суть так, что она стала доступной для масс простого населения. Согласно Зиновьеву, кризис, с которым столкнулась сегодня советская идеология, коренится в том, что интеллектуальный уровень доктрины более не адекватен высокообразованному населению, чей культурный уровень гораздо выше того, что был в эпоху Сталина. Единственным добавлением ко всей марксистско-ленинистской мысли со времен Сталина является слово «развитой», помещенное перед словом «социализм».

Независимо от того, каков интеллектуальный уровень доктрины, сама она остается неизменной по сути, продолжая проповедовать евангелие коллективизма, превосходство социализма над капитализмом и неизбежность коммунизма. Превозносятся добродетели патриотизма и интернационализма (который все более упоминается в связи с отношениями между национальностями *внутри* Советского Союза), а также долг защищать социалистическую родину от ее врагов.

ИДЕОЛОГИЯ И НАУКА

В Советском Союзе претендуют на то, что марксизм-ленинизм превосходит любую другую идеологию, поскольку он «научен». Только он якобы предлагает истинную научную картину мира, так как он один вооружен теорией, объясняющей развитие мира до сего дня и предсказывает путь, по которому мир должен «неизбежно» развиваться. Если существует аспект советской идеологии, который Зиновьев атакует больше всего, то это ее претензия на научность. Снова и снова он показывает, что претензия эта полностью несостоятельна. Иногда Зиновьев разворачивает свою критику, противопоставляя «язык науки» «языку идеологии». В то время, как цель первого — дать точные, ясные, недвусмысленные, поддающиеся проверке определения, создать теории, открытые для критики и опровержения, второй стремится к туманности, упрощению, непроверяемости, пристрастности и т. д. Это не означает, что идеология не может пользоваться языком науки, не может идентифицировать себя с наукой, не может использовать науку для своих собственных целей. Напротив, Зиновьев указывает, что советская идеология как раз делает все это. Тем не менее, она не является наукой. Научные тексты по определению — тексты, предназначенные для чтения относительно малым, посвященным кругом читателей. Они не могут быть поняты широкими массами. Попытки «популяризировать» научные открытия и сделать их доступными для публики в форме, в которой публика сможет их понять, неизбежно упрощают природу этих открытий до такой степени, что между «популярным» изложением этих открытий и их истинной научной природой остается мало общего. Не случайно советская идеология идет на многое, чтобы ознакомить советское население с происходящим в научном мире, поскольку тем самым она прибавляет респектабельности. Согласно реалистическому, если не циничному, взгляду Зиновьева, все, что поддается пониманию масс, ненаучно по определению.

В других случаях Зиновьев нападает на официальную марксистско-ленинистскую идеологию, стремясь определить значение таких ключевых понятий, как «класс», «базис», «надстройка», «экономические отношения», «владение», «собственность», «производственные отношения» и т. д. Он подвергает их беспощадной критике и с завидной легкостью и ясностью показывает, как легко они рушатся, когда их рассматривают с логической точки зрения.

Однако идеология не просто не наука. Она глубоко антинаучна. Прежде всего Зиновьев подвергает ее критике за то, что марксизм был попыткой оправдать и абсолютизировать априорный взгляд одного человека на определенное общество в определенный момент его развития. Категории, которые Маркс изобрел как средства описания этого общества, не только не

подходят для этой цели, но и полностью неприменимы к обществу советского типа, т. е. социалистическому, посткапиталистическому обществу. Советская идеология использует марксизм не только как средство разжигания антизападных настроений, но и как средство скрыть от советской общественности истинную природу общества, в котором она живет. Один из главных тезисов Зиновьева заключается в том, что, в то время как коммунизм осуществил все свои намерения и достиг всех своих целей (в институциональном плане больших изменений не будет), мир все еще ждет открытия научной теории, которая позволит адекватно проанализировать это общество. Это, конечно, прямая противоположность и вызов советскому подходу, согласно которому до коммунизма еще далеко (причем со временем — все дальше и дальше), и только в СССР обладают истинно «научной» теорией общества.

ИДЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ

Совсем недавно Зиновьев написал книгу, посвященную обоим этим темам. В связи с этим, возможно, сейчас необходимо отметить следующее: Зиновьев так же стремится показать, что идеологию не надо путать с религией, как и то, что идеология — не наука. Опять же его взгляды на эту тему заметны уже в его ранних работах. Зиновьев отвергает организованную религию как, во-первых, совершенно неадекватную современной научной эпохе в качестве источника объяснения природных явлений. Эту роль намного эффективнее выполняет идеология. Ни христианство, ни ислам, ни буддизм не адекватны, поскольку ни одна из этих религий не шла в ногу с развитием современной цивилизации. Более того, как организованные религии, они подвержены тому же типу проблем, что и любая массовая организация, т. е. они подчиняются действию зиновьевских знаменитых «социальных законов». Особенно он иронизирует над Русской Православной Церковью в Советском Союзе, которую рассматривает как советский институт, используемый государством с целью демонстрации превосходства официальной идеологии.

Когда Зиновьев говорит о религии, он имеет в виду нечто приватное и личное, хотя и имеющее некие социальные предпосылки. Последние включают чувство религиозности индивида, присутствие «души», желание лелеять свою собственную индивидуальность. Вера в существование бога необязательна. Ниже мы скажем больше о зиновьевской концепции религии, но необходимо отметить различия между идеологией и религией, как их видит Зиновьев. Идеология — это «дело» для головы, а религия — для души. В случае идеологии вопрос веры не является решающим. Вера необходима для религии. Идеология и религия очень часто занимают одними и теми же вопросами жизни, но положение идеологии гораздо прочнее, поскольку она может предложить интеллектуально намного более удовлетворительные ответы. Люди, с другой стороны, не нуждаются в идеологии. Она является чем-то навязываемым им извне. Потребность в религии возникает изнутри человека. Церковь в организованной религии — это результат потребности в религии, в отличие от идеологического института, который существует с целью навязывать идеологию людям. Однако люди гораздо более склонны принимать идеологию, так как в противном случае они столкнутся с серьезными трудностями в их жизни. Принятие обществом идеологии и демонстрация им обязательств перед ней не влекут веру в идеологию, хотя вера не исключена и, очевидно, существуют люди, действительно верящие в идеологию. В Советском Союзе идеология находится в намного более благоприятном положении, чем религия, поскольку она гораздо адекватнее обстоятельствам, чем религия.

В столь неблагоприятных обстоятельствах — и это очень характерно для Зиновьева — он изобрел свою собственную религию. В его работах разбросаны несколько упоминаний о ней и ее частичных описаний, но подробно она описана в его новой книге. Иван Лаптев — это ответ Советского Союза на Иисуса Христа. Родившийся в маленьком провинциальном городке, он

осознает или решает, что он — бог. Он изобретает религию, которую именует «иванианством», а иногда называет «лаптизмом». Это религия, предназначенная для помощи тем людям в Советском Союзе, которые сделали свой выбор против системы или которые желают сопротивляться коллективистской этике. Она едва ли адресована карьеристам или тем, кто счастлив жить в советской системе как она есть. Подобно Иисусу, Лаптев совершает чудеса, исцеляет больных и проповедует. Параллели проходят сквозь всю книгу: движение Лаптева из Энска в Москву переключается с путешествием Иисуса из Назарета в Иерусалим; распятие Христа на Голгофе — с духовной смертью Лаптева в Советском Союзе. Воскресение Христа имеет аналогом вторичное появление Лаптева в Энске — с тем, однако, отличием, что, в то время как Иисус вознесся на небо в качестве Сына Божьего, Лаптев вновь появляется в Энске, «излеченный» от своей веры в то, что он бог. В конце книги Лаптев, кажется, счастлив жить подобно обычному советскому гражданину.

У Лаптева есть оппонент, названный «Антиподом». Он часто спорит с Лаптевым о соответствующих достоинствах идеологии и религии в Советском Союзе. Фактически ни один из них не побеждает в споре, поскольку антиподовская «улучшенная» идеология способна «продвинуться» в Советском Союзе не больше, чем лаптевская идиосинкразическая религия. Ясно, однако, что идеология подходит значительно большему числу населения больше, чем религия. Как говорит Антипод:

Твоя религия требует самоотречения, самодисциплины, она предлагает тебе взбираться по крутому склону и требует от тебя постоянных усилий в самоограничении. Обычные люди на это не способны. Люди находят, что легче плыть по течению и скорее упасть, чем плыть против течения и карабкаться на гору. Падение — тоже форма полета, в этом вся проблема. И падение достаточно долго, чтобы длиться всю жизнь.

Хотя в книге есть много разнообразных отступлений, в ее основе лежит серьезная озабоченность автора вопросами морали. Религия Лаптева содержит ядро доктрины, предназначенной помогать человеку вести морально честное существование в крайне аморальной среде. Лаптевский эквивалент десяти заповедей содержит около пятидесяти указаний, относящихся к поведению отдельного человека, которые, если верно следовать им, позволяют человеку достичь этой цели. Вот несколько примеров: сохраняй чувство собственного достоинства; держи людей на расстоянии; сохраняй независимость в поведении; не дружи с карьеристами, интриганами, осведомителями, клеветниками, трусами и другими плохими людьми; не влезай в чужую душу и не позволяй никому лезть в твою; не привлекай к себе внимания; обходишься без помощи, если можешь; не навязывай свою помощь другим. В своей сумме они складываются в мощный арсенал для защиты индивида в коллективистском мире. Вера в бога необязательна. Что является обязательным, так это позиция, позволяющая тебе вести себя, как если бы бог наблюдал за тобой. Цель Зиновьева — изобрести религию, которая будет адекватна образованным людям с высоким уровнем общей культуры, живущим в эпоху развитой технологии. Его религия прежде всего служит противоядием от официальной идеологии.

ИДЕОЛОГИЯ И МОРАЛЬ

Коммунистическая идеология производит аморальных людей. Зиновьев утверждал это неоднократно. Его аргументация следующая. При большом количестве людей, живущих в обществе в течение длительного периода времени, в действие вступают универсальные «социальные законы», сводящиеся к формуле «собака ест собаку». Цивилизацию можно рассматривать как историю изобретения ограничений, препятствующих действию этих законов. Примерами являются институты, которые мы ассоциируем с западной демократией: свобода слова, свобода собраний, власть закона, религия, оппозиция и т. д. В таких обстоятельствах разви-

вается форма морального поведения, которую Зиновьев называет «личной моралью», или «моралью индивида». Идеальный коммунистический человек, напротив, не есть моральное создание:

Во-первых, марксизм предполагает, что человек целиком зависит от обстоятельств своего существования и его добродетели считаются продуктом идеальных условий жизни, а не его свободной воли. Во-вторых, человека заставляют быть тем, чем он должен быть в теории в результате действия таких сил, как власть, идеология и коллектив. В-третьих, человека принуждают соответствовать идеалу лишь внешне: на практике его обучают поведению с помощью правил коммунальности. Эти последние ограничены коллективом, властями и идеологией только с целью сохранения общества, которое само основано на законах коммунальности.

Речь не идет о том, кто морально выше — западный гражданин или советский. Зиновьев сам утверждает: то, что «морально», не обязательно является хорошим, а то, что «аморально», не обязательно является плохим. (Соглашаться или не соглашаться с Зиновьевым — другой вопрос.) По-настоящему важный вопрос заключается в том, думают ли и действуют ли советские люди в целом отлично от несоветских. В некоторых отношениях — явно да. В контексте советского общества от людей требуется конформизм, его частая демонстрация. То, что люди думают и говорят в частной жизни, может сильно отличаться от того, что они говорят публично. Однако ведет ли цинизм, который такие обстоятельства воспитали во многих советских гражданах, к заключению, что «люди везде одинаковы»? Могут ли они вообразить общественную систему, в которой зиновьевские «социальные» или «коммунальные» законы действуют с меньшей силой, или они допускают, что людей на Западе так же часто заставляют действовать тем же «двуликим» образом, что и многих из них? Зиновьев неоднократно обращает внимание на недостаток доверия между людьми в Советском Союзе и между властями и населением в целом:

Люди не верят в моральные качества своих соседей и не рассчитывают на них. Это фактически является глубочайшим источником аморальности в обществе.

Одной из самых поразительных черт советского общества является степень, в которой люди являются объектом наблюдения и недоверия. Один из примеров — практика досмотра в советских супермаркетах сумки с покупками каждого покупателя *после* того, как он заплатил, с целью проверки соответствия покупок чеку. Воспитывает ли подобная практика чувство презрения к людям и убеждение, что, поскольку никто никому не доверяет, не имеет смысла заслуживать доверие? Что происходит, когда советские граждане эмигрируют на Запад? Сохраняют ли они свою «советскость» или избавляются от нее? Зиновьев не сомневается, что советский гражданин обречен быть «советским» на всю оставшуюся жизнь. «Гомо советикус» — это целая книга на тему, как советские эмигранты воспроизводят советский тип общества за рубежом.

Советская идеология, говорит Зиновьев, позволяет советским людям плохо вести себя по отношению друг к другу, не испытывая при этом чувства вины. В среде, где все необходимое — дефицит, «безжалостная борьба» за все становится естественным образом жизни. Люди изо всех сил будут стараться, чтобы никто не жил лучше, чем другой. Удары в спину, тайное обвинение, раболепие, взяточничество, коррупция, халтура, обман характеризуют коммунистическое общество. Зиновьев не утверждает, что подобные пороки нельзя найти в некоммунистических обществах, но подчеркивает, что в коммунистических обществах они эндемичны. Центральным в его аргументации является его тезис, согласно которому в советском обществе человек обречен не быть истинной ценностью. Зиновьев объясняет прочность коллективистской структуры советского общества ее простотой. Это гигантское гнездо коллективов со схожей структурой, индивидуальные члены которого действуют в условиях взаимозависимости. «Коллективная» ответственность поощряет личную безответственность. Несмотря на офи-

циальную идеологию, поддерживающую идеал преданного человека, который тратит всю свою силу и энергию на строительство коммунизма, демонстрация личной инициативы не ценится другими членами коллектива. Динамизм, энергия, жажда реформы, предложения улучшений, как правило, глушатся и душатся.

Гораздо легче жить согласно догматам официальной идеологии, чем следовать зинovieвским пятидесяти «заповедям». Идеология, воспитывающая веру в то, что интересы индивида должны приноситься в жертву интересам коллектива, позволяет людям подло обходиться с другими людьми без зазрения совести. Поэтому здесь легко осуществлять действия, являющиеся «морально хорошими» с точки зрения официальной идеологии, но «морально плохими» с точки зрения зинovieвской «личной морали». И Зинovieв очень ясно говорит о том, что только человек, осуществляющий данное действие, знает, морально оно или нет. Только сам человек знает мотивы, заставляющие его действовать так, как он действует. Моральное значение имеет не осуществление или неосуществление действия, а лежащие в его основе мотивы. Они неразличимы при наблюдении за самим действием. Зинovieв заходит настолько далеко, что заявляет о глубокой враждебности такой морали в советской системе, и о том, что предпринимаются все усилия для ее подавления:

Мораль в моем смысле вступает в конфликт с идеологической моралью и преследуется в коммунистическом обществе как угроза самым его основаниям.

Его точка зрения на отношения идеологии и морали сжато формулируется так:

Весь аппарат морального образования и пропаганды нацелен на обучение людей жить в атмосфере лицемерия, обмана, принуждения, подлости и коррупции, жить согласно законам коммунальности, которые сами ограничены средствами, разработанными все той же коммунальностью с целью своего собственного самосохранения.

ИДЕОЛОГИЯ КАК РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

Советская идеология — не просто некий доктринальный кодекс. Она является также «магнитным полем», в котором люди действуют как «заряженные частицы». Они подвержены действию ряда моделей, которые формируют их мыслительные шаблоны и поведение — с тем результатом, что большинство советских граждан склонны думать и вести себя одинаково. Эта точка зрения выражена во многих работах Зинovieва и со всей ясностью представлена в работе «Коммунизм как реальность». Таким образом, идеология имеет два аспекта — философский и прагматический:

Философский аспект относится к ее мировоззрению, т. е. к ее доктрине о мире, обществе, человеке, способе познания. Ее прагматический аспект имеет отношение к практическим вопросам правил мышления и поведения. Именно во втором аспекте мы должны искать ключ к пониманию сущностного смысла идеологии. Практическая идеология общества есть совокупность специальных правил и поведенческих навыков, которые люди применяют в действительно важных ситуациях. Зная это, можно предсказать, как средний идеологически обусловленный коммунистический гражданин будет вести себя в таких ситуациях.

Степень, в которой советские люди подвергаются идеологическому обучению, едва ли можно преувеличить. Зинovieв не раз обращает особое внимание на то, что идеология в Советском Союзе играет столь огромную роль, что советское (коммунистическое) общество можно определить как *идеологическое* общество. Хотя основания этой системы были заложены до второй мировой войны, ее рост до гигантских размеров произошел после смерти Сталина, главным образом, при Суслове. Зинovieв утверждает, что она достигла невиданных в истории размеров и является несомненной угрозой остальному человечеству. В тоталитарной системе, для которой характерна тотальная государственная собственность на средства производства и

распределения, средства массовой информации и сети связи, отсутствие частной собственности и частного предпринимательства, не существует заслона на пути потока идеологии, не существует возможности для распространения иной идеологии. Зиновьев не отрицает влияния «разлагающегося Запада», которое проникает посредством туризма, иностранного радио- и телевидения, западной поп-музыки и т. д. Но ситуация здесь не такая, как в Польше, где католическая церковь представляет собой «систему», альтернативную официальной властной структуре польского государства, систему со своими собственными «поясами передач», местами собраний, «идеологией» в форме религиозного кредо, чуждого официальной идеологии. Дело не только в том, что в Советском Союзе не существует разрешенной альтернативы официальной идеологии, но и в том, что здесь на идеологическую работу тратится огромное время и ресурсы. Идеологическое обучение сейчас начинается в детском саду. Ожидается, что каждый ребенок с возраста семи лет станет октябренок. Предполагается, что с этого времени и до двадцативосьмилетнего возраста он будет последовательно становиться членом молодежных организаций, каждая из которых соответствует определенному возрасту. Обязанность этих организаций — «воспитывать» своих членов «в духе коммунизма». Идеологическая работа встроена в основание всей образовательной системы. У каждой молодежной организации есть свои ритуалы, практика, обязательства. Каждый школьный предмет преподается в марксистско-ленинском духе. Таким образом, все учителя, лекторы, профессора одновременно суть идеологические работники. Такая же картина на фабриках, предприятиях, в исследовательских институтах и особенно вооруженных силах. Существуют агитационные бригады, университеты марксизма-ленинизма, высшие партийные школы, не говоря уже о Союзе советских писателей и людях, вообще работающих в средствах массовой информации. Согласно Зиновьеву, если рассчитать стоимость идеологической работы с точки зрения рабочей силы и ресурсов, то эти суммы окажутся сравнимыми с теми, что затрачены на оборону страны.

Однако важен не только «материал» идеологии. Не менее важна идеологическая деятельность. Советская жизнь высокоритуализирована в идеологическом плане. Все — с октябренок первого года и до генерального секретаря КПСС — должны демонстрировать свою идеологическую преданность, делать это на людях и часто. Каждый должен вы зубрить определенный объем «доктрины» и быть в состоянии показать, что он действительно выучил его. В школе или на работе существуют бесчисленные ритуалы, которые заставляют людей принимать участие в идеологических собраниях, — будь то обсуждение текущего квартального плана или одобрение партийной линии в отношении Никарагуа. Есть свидетельства, что даже этот объем идеологических обязательств считается недостаточным. Обеспокоенная растущей апатией большого числа молодежи, особенно в менее населенных центрах, партия недавно призвала центры и клубы досуга стать центрами усиления идеологической работы среди молодежи.

На Западе часто утверждают, что люди в Советском Союзе в значительной степени придерживаются идеологию только на словах и не верят в нее. Предполагается поэтому, что люди не подвержены воздействию идеологии и что, следовательно, идеология не важна. Зиновьев не тратит время на подобные рассуждения. Он неоднократно заявлял, что идеология не требует веры. Пока люди явно принимают ее, этого достаточно. Общественный конформизм, общественное принятие партийной линии является показателем принятия режима, легитимности правителей. Более того, и Зиновьев подчеркивает это, организующая роль идеологии и то, что она ориентирует людей в определенном направлении, имеет огромное значение в коммунистическом государстве. Тем не менее, даже если бы партия распорядилась, что с завтрашнего дня идеологическая работа прекращается, это распоряжение не было бы выполнено, поскольку идеологическая машина выросла до таких размеров, что вышла из-под человеческого контроля. Она не является чем-то, что можно устранить из советского общества, — она есть *главная деятельность* советского общества.

ИДЕОЛОГИЯ И ЗАПАД

С тех пор как Зиновьев оказался на Западе, его взгляды на идеологию в Советском Союзе не изменились. В то же время теперь он утверждает, что Запад в той же мере зажат в тиски своей собственной идеологии и что люди на Западе «подвергаются обработке» в не меньшей степени, чем в Советском Союзе. Это пункт, по которому с ним трудно согласиться немарксисту. Спорным является и существование «западной идеологии», но Зиновьев вполне категоричен:

Западное общество — это плюралистическое общество, хаотическое во многих отношениях, во многих жизненно важных отношениях не поддающееся контролю из центра, с тенденцией к анархии, своеволию и фрагментации... Это не значит, что Запад полиидеологичен... Идеологическое многообразие, аморфность, хаос, несогласие, вражда и другие явления, указывающие на отсутствие идеологии, которую можно было бы назвать «западной идеологией», фактически суть явления внутри каркаса этой самой идеологии».

Я думаю, что в процитированном абзаце Зиновьев, что называется, хватил лишнего, однако интересно заключение, к которому он приходит:

Западная идеология, как и советская идеология, разрушает основы цивилизации, которые выстраивались в течение столетий и были предназначены для сдерживания стихийных сил человеческой социальной среды, что они и делали.

«Стихийные силы» — это, безусловно, то, что Зиновьев во всех других местах называет «социальными» законами, или «законами коммунальности». Примеры отрицательных черт «западной идеологии», приведенные Зиновьевым, включают «распространение половой развращенности», «распространение супружеской неверности», «принуждение», «гангстеризм», «паразитизм». «Моральные ценности», говорит он, «высмеиваются как старомодные». Здесь вспоминается Солженицын. Вспоминаются также многие люди старше шестидесяти лет, которые воспитывались в совершенно отличной от сегодняшней социальной атмосфере и которые согласились бы с Зиновьевым. Многие люди, которым меньше шестидесяти, также согласились бы с ним. Человечество дрейфует в направлении к коммунизму, утверждает он. Это состояние, которое просуществует многие столетия. Единственная надежда предотвратить его — это бороться с ним:

В борьбе против коммунизма заинтересованы все. Но поскольку исторические обстоятельства влияют на жизни людей и вталкивают различные аспекты их жизни в относительно самостоятельные отсеки, силы коммунизма и силы цивилизации — это фактически реальные люди и группы людей, различные страны и группы стран. Только в результате непрерывного сопротивления коммунистическому давлению (а не благодаря его устранению, которое в существующем обществе невозможно) цивилизация может быть сохранена и продолжит свое развитие.

При его желчном (или, возможно, дальновидном?) взгляде на Запад надежды Зиновьева на успешное сопротивление должны таять.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нехватка места и большое количество работ, которые Зиновьев написал об идеологии, заставляют ограничиться лишь самым общим описанием. Учитывая огромное число зиновьевских книг, статей, интервью и радиопередач, произведенных за последние пять лет, а также тот факт, что он предпочитает писать в довольно калейдоскопической манере, сами определение и категоризация того, что он сказал по каждому отдельному вопросу, сталкиваются с серьезными трудностями. На нынешнем этапе изучения исследований Зиновьева скорее классификация его высказываний, а не столько анализ, является первоочередной задачей.

Тем не менее необходима хотя бы сжатая оценка того, что Зиновьев думает о связанных между собой вопросах идеологии, религии и морали. Много из того, что он сказал о морали, и многие его «заповеди» принадлежат традиции западного, протестантского индивидуализма. В этом отношении многое из того, что он говорит, — эхо того, что говорили до него люди, подобные Чаадаеву, Белинскому, Кавелину. Несомненно, он является «западником», каждый, считающий себя славянофилом, подверг бы его острой критике. Много из того, что имеется сказать у Зиновьева о марксистской доктрине, уже было отмечено, хотя, возможно, и менее прямолинейно. Достаточно вспомнить лишь Карла Поппера, Джона Пламенатца, сэра Исая Берлина, Сидни Хука. Где Зиновьев действительно является новатором, то это, как мне кажется, в описании и анализе структуры, размахе роли идеологии в коммунистическом обществе. Его описания и анализ не «научны» в традиционном академическом смысле. Они, по всей вероятности, не были бы приняты к публикации профессиональными журналами по социологии и политике. У него отсутствует «*apparatus scholasticus*». В его работах нет схем и графиков, статистических таблиц и т. д. С другой стороны, он предлагает адекватное описание многих аспектов советского общества, которое, по меньшей мере, так же ценно, как и более «научные» оценки, имеющие традиционную академическую форму. Он готов предложить теорию, способную объяснить черты, которые отмечают большинство западных исследователей, а именно дефицит, халтуру, очереди, очковтирательство, низкую производительность и т. д. Не приходя в восторг от добродетелей «русского народа», Зиновьев в то же время не клеймит недостатки, которые он объясняет либо «ленью», либо «пьянством», либо особенностями русской истории. Он считает, что эти недостатки в значительной степени обусловлены «практической идеологией», которой люди обучаются с раннего возраста.

Зиновьев также является новатором в методе, с которым он подходит к своим темам. Сказать, что его подход академически нетрадиционен — ничего не сказать. Также недостаточной будет характеристика его подхода как полностью художественного. Зиновьев действительно применяет широкий набор литературных стилей, к которым надо привыкнуть, и штурмует проблему по многим направлениям сразу. Его приемы, однако, включают также технику эссеиста. В результате он может быть и научным, и художественным — как одновременно, так и последовательно.

Что касается взглядов Зиновьева на религию, то одно или два наблюдения уже были высказаны. Если имеется в виду истинное религиозное чувство, то зиновьевские взгляды на иррелевантность организованной религии в Советском Союзе перекликаются с известным замечанием Белинского о русском врожденном атеизме:

...Русский упоминает имя бога, почесывая зад... Русский народ глубоко атеистичен по природе. У него еще много суеверий, но нет ни следа религиозного чувства.

Недостаток взаимосвязи между религиозным ритуалом и повседневным поведением был отмечен и другими, особенно Кристелом Лэйном. Стремление Зиновьева придумать человечеству, особенно коммунистическому человечеству, религии, адекватной концу XX века, не уникально. Однако, в то время как Ниниан Смарт выступает за религию, являющуюся амальгамой христианства и буддизма, Зиновьев предлагает религию полностью в западной традиции постиндустриальной революции. Хотя в ней много общего с христианской традицией, она содержит и совсем не христианские «заповеди». Призывам «подставь другую щеку» или «люби ближнего твоего» нет места в его кодексе, который бесстыдно индивидуален и является не только антикоммунистическим, но и антикоммунальным.

Суммируя, можно сказать, что взгляды Зиновьева на идеологию и на отношения между идеологией и религией, наукой, моралью и повседневным поведением выражаются на языке с помощью различных дискурсивных практик. Это позволяет Зиновьеву иметь такой спектр теоретических подходов, который по своей широте превышает то, чем могут похвастать боль-

шинство исследователей. Многое из того, что говорит Зиновьев, необычно. Что совершенно несомненно, так это серьезная озабоченность Зиновьева проблемами, которые он обсуждает, и его чувство ответственности как мыслящего человеческого существа, понимает, обнаруживает, что вместе со всем человечеством живет в «интересное время».

Сочинения А. А. Зиновьева, в которых рассматриваются проблемы идеологии

Зияющие высоты. 1976.

Светлое будущее. 1978.

В преддверии рая. 1979.

Без иллюзий. 1979.

Желтый дам. 1980.

Коммунизм как реальность. 1981.

Иди на Голгофу. 1985.

Сила неверия. 1986.

Лондон, 1988.

Перевод с английского К. А. Фурсова.